

УДК 821.161

*П.В. Крылов***ЖАННА Д'АРК КАК СИМВОЛ СВОБОДЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА***Памяти Карла Ристикиви посвящается*

В статье рассматривается ключевое противоречие образа Жанны д'Арк в русскоязычной художественной литературе: мученица свободы со страниц советского школьного учебника и глубоко верующая христианка, отдавшая жизнь за короля. Средством увязать эти две несводимые сущности было для авторов перенесение этого конфликта во внутренний мир изображаемой ими героини, приобретающей черты сложной личности с мятущейся душой, что, в конечном итоге, приводит ее к трагическому финалу. Она становится жертвой предательства, замыкая образный круг русскоязычной литературы привычной кодой.

Ключевые слова: русская художественная литература, эстонская художественная литература, Жанна д'Арк, историческая память, патриотическая поэзия, поэзия освобождения.

Приступая к теме, процитирую один эпизод из произведения, которое никоим образом не относится к русскоязычной литературе. В новелле «Дон Жуан и Дева Жанна», написанной эстонским классиком Карлом Ристикиви в 1969 г. (сб. «Сигтунские врата»), между двумя главными героями, встретившимися в Лимбе чистилища, происходит весьма занятный обмен репликами:

– *Я привела французов к победе. Я прогнала англичан из страны. Я освободила народ и помогла королю сесть на трон.*

– *Ты противоречишь сама себе. Король на троне – и свободный народ, это никак не вяжется, разве нет?*

Похоже дону Жуану удалось пошатнуть ее спокойствие, потому что она вдруг разозлилась:

– *Если народом правит его собственный король, законный король, то этот народ свободен.*

Так сказал архангел Михаил.

– *Я далек от того, чтобы оспаривать архангела Михаила. Я всего лишь христианин, но мне не вполне ясно, чем же это Карл Валуа больше француз, чем Генрих Плантагенет со своими нормандскими предками и матерью из рода Валуа? Разве все это не результат банальных семейных распрей, борьбы одного из детей против другого? И при чем здесь народ Франции?... Я просто не вижу разницы в том, кто правит страной, Плантагенеты или Валуа. Вижу, что это нескончаемая борьба англичан с французами, нескончаемое кровопролитие, новые войны... [6. С. 131].*

Перевод новеллы Ристикиви, выполненный Людмилой Симагиной и выпущенный таллинским издательством КПД в 2010 г. небольшим тиражом, в России неизвестен и не мог оказать сколь-нибудь существенного влияния на литературу на русском языке. Однако именно в этой новелле содержится каверзный вопрос, что встает перед каждым литератором, в произведениях которого появляется Орлеанская Дева: как примирить ее всем известную любовь к французскому королю Карлу VII Валуа с тем, что в массовой исторической культуре она служит олицетворением свободы. И как обойтись с тем, что отклик широких масс на ее призыв сражаться за освобождение страны от захватчиков, произведя воодушевляющий эффект, оказался направлен в свою пользу вождем одной из противоборствующих монархических династий?

Вот, к примеру, яркое и запоминающееся четверостишие из стихотворения В. Солоухина:

*Звучал с непонятной силой
Лозунг ее простой:
За свободу Франции милой
Кто любит меня – за мной!*

(Владимир Солоухин, Лозунги Жанны д'Арк. 1975) [8. Р. 260].

Разумеется, возможно было всегда уйти в сторону от неудобного вопроса, переключиться на иной образный ряд, поставив, в качестве примера, акцент на образе Жанны, как человека, приносящего себя в жертву за других:

Ты, белая и слабая, сгорала...

(Владимир Набоков, *La bonne Lorraine*, 1924) [8. Р. 242].

Или вот этот, созвучный с набоковским, но все же дополненный советской героикой образ Михаила Светлова:

*Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело...*

*Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели*

(Михаил Светлов, *Рабфаковке*, 1925) [8. Р. 243-244].

Или сострадание Тарковского, что, похоже задумывается о том, достойно ли дело Жанны той жертвы, которую она ему принесла:

*Пусть коронован твой король, – какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горшишь в рубахе не по росту*

(Арсений Тарковский, *Дерево Жанны*, 1959) [8. Р. 251].

Эмигрант Набоков; самый советский из советских поэтов – Светлов и Тарковский, известный переводчик иностранной поэзии, но редко видевший собственные стихи напечатанными, – все они ушли от прямой героизации образа девушки из Домреми, пробуждая у читателя скорее сочувствие к мученице, чем воодушевление идеями, которые она могла бы олицетворять.

Еще одна ремарка, которую считаю необходимым сделать, и вовсе способна похоронить всю конструкцию. В русскоязычной литературной иоаннитике отчетливо доминируют переводы иностранных писателей от Шекспира и Шиллера до Марка Твена и Жана Ануя. Именно XX век стал временем наиболее активной работы переводчиков, познакомивших Советский Союз со всеми более-менее значительными произведениями о Жанне. В дополнение к уже переведенным ранее Шиллеру и Шекспиру, коллекция пополнилась «Орлеанской девственницей» Вольтера (перевод Г. В. Адамовича и Г. В. Иванова под ред. классика стихотворного перевода М. Л. Лозинского, 1920–1921 гг.), «Жизнью Жанны д'Арк» Анатоля Франса (перевод А. Виноградова, 1928 г.), «Святой Иоанной» Б. Шоу (перевод О. П. Холмской, 1956 г. и перевод Е. М. Голышевой и Б. Г. Цапова, 2006 г.), «Личными записками о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря» Марка Твена (переводы З. Е. Александровой, 1960, Н. Тимофеевой и И. Семезона, 1961, Я. Ясинского, 1988, И. Ясинского, 2002). В 1967 г. увидел свет перевод театральной адаптации Бертольда Брехта радиопьесы Анны Зегерс «Суд над Жанной д'Арк в 1431 году в Руане», выполненный С. Тархановой. Благодаря переводам русскому читателю знакомы «Жаворонок» Жана Ануя (1969, Н. Жаркова), «Жанна д'Арк» Марии Йозефы Крук фон Потурцин (1994, перевод Б. М. Скуратова) и «Мистерия о милосердии Жанны д'Арк» Шарля Пегги (2001, перевод Е. А. Легеньковой), ставшая одной из последних в столь солидном ряду. При этом оригинальных произведений, написанных о девушке из Домреми на русском языке, немного, и принадлежат они, главным образом, не самым известным литераторам, а находящимся в тени более именитых зарубежных коллег и испытывающим на себе их внимание.

Довлеют также образы, сформированные школьным курсом истории средних веков, представляющим Жанну олицетворением здоровых патриотических сил французского народа и символом борьбы против английской агрессии. Возможно, именно поэтому в них не находится места ни негативизму Шекспира, выставлявшего девушку настоящей ведьмой; ни циничной вольтерьянской сатиры; ни свойственной Анатолю Франсу иронии; ни сомнениям Ристикиви. Не встречаются понимания и конспирологические версии о Жанне – принцессе, избежавшей смерти на костре, вышедшей замуж и умершей в зрелом возрасте от воспаления легких. За исключением, пожалуй, только повести Юлии Андреевой «Двойник Жанны де Арк» (sic!), вышедшей в 2006 г. Писательница вводит в хорошо известную историю дворянку Анну ле Феррон, играющую роль личного телохранителя Жанны и заме-

нящую ее на костре. Впрочем, авантюрная повесть может считаться в русскоязычной литературе исключением, тогда как существующий в ней образ Орлеанской Девы вполне хрестоматиен, художественное воображение авторов его почти не касается и переносится на другие персонажи, которые, в отличие от главной героини, хранящей черты монументального памятника самой себе, могут приобретать довольно неожиданные краски.

Если оставить немного в стороне поэзию, то интересующая нас тема поднимается в пяти более-менее крупных опубликованных сочинениях. Это – повесть «Свидетели» (1969) Ольги Марковны Гурьян (1899–1973), драма в стихах «Белая ворона» (1978–1982) Юрия Евгеньевича Рыбчиньского (род. в 1945 г.), положенная на музыку Геннадием Татарченко, роман Кима Киуру (псевдоним Сергея Разумова, род. в. 1978 г.) «Жанна 1412–1431» (2007), пьеса Ольги Лехтонен (род. в 1977 г.) «Жанна д'Арк» (около 2010) и повесть Натальи Павлицевой «Кто любит меня, за мной» (2010). Произведения О. М. Гурьян и Н. Павлицевой относятся к жанру исторической прозы с элементами приключений и (в случае последней книги) легкой мистики. Сочинения К. Киуру и О. Лехтонен, напротив, принадлежат к разряду религиозно-мистической литературы, в которой исторический план полностью подчиняется идейному замыслу трансцендентального характера. Наконец, пьеса Рыбчиньского – образец гражданской притчи. Именно здесь Орлеанская Дева предстает наиболее ярким воплощением свободы.

ЖЮЛЬЕН

Черт возьми!

Какое дело мне до голосов!

Какое дело мне до небосвода!

Что выше, чем моя к тебе любовь?

ЖАННА

Свобода! Свобода! Свобода!

За мной, мой брат! За мной, моя сестра!

За мною, тысячи сестер моих и братьев! [7. С. 34].

Основополагающее свойство свободы в понимании Рыбчиньского – способность изменить природу отдельно взятого человека:

КАРЛ

Нет войска у меня, а есть толпа

Отпетых негодяев, жалких трусов!

ЖАННА

Народ, мой принц, становится толпою,

Когда не видит цель перед собою,

А если цель святая, как Свобода,

Толпа всегда становится народом! [7. С. 44].

Один из центральных эпизодов пьесы – монолог Жанны, превращенный в гимн свободе и исполняемый вместе с толпой:

ЖАННА

Не зря мы считаем святым это слово:

Оно исцеляет

Смертельно больного,

Оно помогает

С дороги не сбиться,

От этого слова

Тиранам не спится.

И, для одержимых

Став светлой судьбою,

Зовет это слово,

Ведет за собою –

Навстречу рассвету,

Навстречу восходу.

За мною, кто верит

В святую Свободу! [7. С. 50].

В сочинении киевского автора можно встретить две персонификации свободы. Первая – более чем традиционна: свободу народа, впрочем, как и его благополучие, олицетворяет его король, Божий помазанник, суверенный и самодержавный правитель, источник власти которого находится на небесах.

МЕНЕСТРЕЛЬ

*Остались мы без хлеба,
Без крова, без сапог.
Что нам осталось? Небо
Да наш французский Бог!
Но зреют гроздья гнева,
И ливня ждут поля,
И небо даст нам Деву,
А Дева – короля! [7. С. 11].*

Правитель призван кормить и одевать подданных, в полном соответствии с патерналистской парадигмой. Впрочем, наряду с традиционным монархическим представлением о свободе, появляется новое, центральным образом которого становится Жанна, в пьесе Рыбчиньского утрачивающая черты небесной посланницы и приобретающая облик материализованного голоса народа:

МЕНЕСТРЕЛЬ

*И сквозь крики, песни, слезы,
Колокольный звон костелов,
По гвоздикам и по розам,
По булыжной мостовой
На руках несли солдаты
Ту, чье имя стало свято.
И Победа со Свободой
Шли за этою святой [7. С. 48].*

Эти представления неизбежно вступают между собой в конфликт, выплескивающийся в монологе короля, причем драматург отказывается от рифмованного текста и подражает Шекспиру в его русском переводе:

КАРЛ

*Как – на Париж?! Но я ведь запретил!
Кто правит Францией? Я или эта девка?
Сегодня вздумалось ей штурмовать Париж,
А где гарантия, что завтра-послезавтра
Не вздумается Жанне возвестить,
Что было ей виденье и Господь
Ей повелел начать поход священный
Простолюдинов, черни, голытьбы
Против господ за мнимую свободу?
Народ пойдет за ней в огонь и в воду.
А кто повинен будет в этом? Вы!
(Архиепископу).
Вы сделали толпу рабой молвы! [7. С. 54-55].*

Конфликт может быть разрешен только путем полного устранения одной из сторон. Судьба Девы предрешена, и не удивительно, что вскоре раздастся возглас:

МЕНЕСТРЕЛИ

*Продана! Продана! Продана
Слава и доблесть, Свобода и родина! [7. С. 59].*

Жанна единственное «действующее лицо» пьесы (всех же остальных автор определяет, как «действующие рожи») и может сколько угодно произносить патетические фразы, подобные той, что хочется процитировать:

ЖАННА

*Мне будущее родины дороже,
Чем все награды. Ты, король, привык,
Что все на этом свете продается:
Посты, поместья, совесть и друзья.
А я – народ. Народ купить нельзя!
(Поклонившись, поворачивается и быстро уходит) [7. С. 53].*

Но, как выясняется, продать свободу, родину и народ в лице его храброй героини можно и, притом, с хорошей прибылью.

В отличие от пишущего по-русски киевлянина Ю.Е. Рыбчиньского, у которого в центре произведения – образ свободы, другие авторы более сдержаны. К примеру, О.М. Гурьян упоминает слово «свобода» всего дважды, приводя воображаемую цитату из речи воображаемого персонажа – безымянной «мадемуазель де Ла-Тремуй, дочь графа де Ла-Тремуй и госпожи графини, его супруги». Описывая встречу Карла Валуа и Жанны в Шиноне, свидетельницей которой стала придворная барышня, она вспоминает следующее:

Но эта девица его перебивает и говорит:

– Теперь все будет хорошо, милый дофин! Я освобожу Орлеан и корону тебя в Реймсе, и Франция опять будет свободна и счастлива [1. С. 44].

Содержание понятий «свобода» и «счастье», их взаимосвязь друг с другом в этом сочинении не раскрываются. Впрочем, обеспечивает их король, его присутствие, так что наивный монархизм оказался совсем не чужд произведению, увидевшему свет в позднесоветские годы.

Приключенческая повесть Натальи Павлищевой (весьма плодовитого автора, главным образом, «дамских романов» из Всеволожска), написанная уже в XXI в., отличается тем, что уже не стесняется религиозных аспектов эпопеи Жанны, хотя они и не занимают здесь существенного места. Более существен поиск тайных пружин истории Орлеанской Девы, отражающий интерес российского общества 2000-х гг. к политическим технологиям и способам манипуляции общественным мнением. Особо изысканной конспирологии, впрочем, в книге не обнаруживается – архитектором карьеры Жанны изображается Жиль де Рэ, обучивший вполне способную, сильную, умную и привлекательную девушку владеть оружием и некоторыми манерами, а также подробно описавший ей внешность дофина. Свидание в Шиноне с его «чудесным узнаванием дофина в толпе придворных» получает, таким образом, в повести Н. Павлищевой более чем материальное, лишённое намеков на мистику объяснение. Не выглядит удивительным, что и тема свободы здесь впервые звучит из уст Жилия де Рэ:

Барон откровенно хмыкнул, его глаза стали насмешливыми. Приблизив лицо к лицу Жанны, он внятно объяснил:

– Я хочу того, чего и ты, – освободить Францию и короновать дофина. – Уже тише, словно для себя добавил: – Может, тогда он отдаст долги... [5. С. 9].

В отличие от циничного барона, Жанна ощущает свободу как некую абсолютную ценность, видимый символ которой для нее – коронация Карла Валуа:

Ничего, успокаивала себя Жанна, это только пока они не видели мощи новой французской армии, решимости людей, пришедших с ней! И снова получалось как-то не так, значит, не призывы и увещевания заставят годонов сдаться, а сила оружия?

Временами девушку охватывало настоящее отчаяние, она не хотела воевать, но так хотела освободить милую Францию и короновать дофина! [5. С. 102-103].

Подобные чувства и ассоциации она усматривала и в народе, противопоставляя его настроения настроениям знати и монарха:

Но Дева знала и другое: кроме дофина Карла, есть еще простые французы, которые охотно пойдут в ее армию, не требуя за это денег, просто потому, что хотят быть свободными [5. С. 158].

Героиня Н. Павлищевой не высечена из глыбы камня, она подвержена сомнениям, и в понимании свободы Франции обнаруживает определенную ограниченность:

Она явно растерялась, никогда не задумывалась над тем, что будет с армией после ее ухода. Казалось, стоит только освободить Орлеан и короновать дофина, остальное разрешится само по себе [5. С. 165].

Главная цель – освобождение милой Франции, ради нее можно вынести все! [5. С. 173].

Но что такое «освобождение»? Автор повести подводит черту под метаниями своей героини, обозначая причину конфликта между недавно коронованным королем и Жанной, – того конфликта, что приведет ее к плену и гибели:

Беда в том, что эта неугомонная девчонка не просто не собиралась останавливаться сама, она требовала, чтобы вот так же, забыв обо всем, забыв налаживающуюся спокойную жизнь, и король жертвовал собой, штурмуя бастионы! Ей казалось нормальным, чтобы Карл, забросив свои любимые занятия, жил только войной и горел праведным огнем против годонов (уничжительное прозвище англичан во французской простонародной среде. – Прим. авт.), воодушевлял французов на подвиги. Это хорошо, но до определенных пределов. Для войны есть маршалы, адмирал, капитаны наконец, вон ее приятеля де Ре в маршалы возвел, пусть старается, не королю же в палатке спать и только о несчастных нормандцах думать?!

Дева так не считала, решив, что, короновав Карла, она переложила на его плечи заботы об остальной неосвобожденной Франции [5. С. 224].

Корона и власть, надо понимать Н. П. Павлищеву, даны не для того, чтобы обладающий ими монарх приносил себя в жертву своему народу ради некоей мифической его «свободы». Мудрость королей состоит в том, чтобы, подобно эффективному менеджеру, распределить обязанности между членами команды и руководить ими – идеал, согласующийся с духом начала XXI века ...

Метафизическое начало отчетливо присутствует в пьесе Ольги Лехтонен, ингерманландской финки, родившейся в Казахстане, живущей в Москве и открыто заявляющей о приверженности римскому католицизму. Подобно средневековой мистерии или «Фаусту» Гёте, подмостками ее произведения служит не только привычный нам и доступный нашим органам чувств мир. Открывается пьеса спором между представителями двух противоборствующих от начала времен потусторонних сил:

Архангел: *По-моему, это не смешно, когда люди сто лет подряд стреляют друг в друга. Серая тень: Тебе-то что? Пусть себе стреляют. Значит, им так нравится. В конце концов, людей еще пока никто не лишил права выбирать. Хотя я, будь моя воля, я вообще не давал бы им никаких прав – все равно от этой пресловутой свободы ничего хорошего не получается [4].*

Заведомо негативное отношение посланца ада к свободе, обозначенное в самом начале, свидетельствует о позиции как автора, верующей христианки, так и о позиции персонажа, который однозначно и непоколебимо стоит и сражается на стороне небесного воинства: свобода – это дар Божий, борьба за который священна. Личный аспект свободы проявляется в освобождении от семейных уз, достигаемом посредством целибата – обета безбрачия:

Бертран: *Может, Господь Бог захочет видеть тебя матерью семейства, откуда ты знаешь?*

Жанна: *Нет, не захочет. Понимаете, я должна сохранить свою свободу, чтобы никто из людей не мог обвинить меня в том, что я просто устраиваю свою жизнь, а не думаю о своем долге.*

Жан: *Разве это плохо – устраивать свою жизнь?*

Жанна: *В моем случае – да. Тебе это трудно понять, но я должна быть свободной, чтобы принадлежать всем, кто во мне нуждается. Нельзя дарить что-либо наполовину, понимаешь? [4].*

Героиня пьесы О. Лехтонен описывает свою миссию во вполне стандартных формулировках:

Жанна: *Ваше величество, Царь Небесный послал меня к вам с радостной вестью: вы будете королем Франции и освободите страну от англичан. Я прошу вас только об одном: дайте мне войско, чтобы я могла пойти к Орлеану [4].*

Первый диалог между дофином и Жанной мог бы соответствовать историографическому шаблону, если бы не прямое вмешательство высших сил:

Карл: *(потрясенно, даже зло) Ты что, всерьез задумала командовать моей армией?*

Жанна: *О, мне бы никогда и в голову не пришло ничего подобного! Но Архангел Михаил повелел мне идти к вам и сказал, что только я смогу помочь вам стать настоящим королем. Он сказал, что я должна освободить Орлеан и открыть дорогу на Реймс, чтобы воля Божья, наконец, свершилась, и вы стали нашим королем и повелителем.*

Карл: *(смягчившись)* А разве Бог не может спасти Францию без помощи солдат?

Жанна: *Солдаты будут сражаться, а Бог даст им победу.*

В разговор вмешивается Архангел Михаил.

Архангел: *Карл, не бойся принять помощь свыше.*

Карл: *(видит Архангела, хватается за крест, висящий у него на шее)* Боже милосердный... [4].

Тем не менее считаем необходимым указать на то, что понятие свободы именно в пьесе О. Лехтонен приобретает новое звучание:

Жанна: *Послушайте меня. Спасибо вам, что вы пришли. Я не знаю, что вам еще сказать... Просто молитесь за меня, ладно? Молитесь и помните, что Господь Бог обещал освободить французов и прекратить войну, а значит, обязательно сдержит Свое слово. Обязательно [4].*

«Свобода» – это прекращение войны и убийства, свобода – это свобода от вражды, это установление мира, который должна принести Жанна «на конце копья» ценой собственной жизни, отданной во искупление тех убийств, которые были совершены на поле боя.

Но еще более мистическое понимание свободы акцентировано в книге Кима Киуру (псевдоним черкасского автора Сергея Разумова – слово *kiuru* по-фински означает ‘жаворонок’, что может быть прямой отсылкой к одноименной пьесе Жана Ануя, посвященной Жанне д’Арк).

– *Если вы не поддержите меня, – холодно ответила ему Жанна, – то штурм Огюстена обернется вашей гибелью. Кто отдает свою жизнь за свободу Родины, тот воскресает Ангелом в Царствии Небесном, но кто отрекается от Родины, чтобы жизнь сберечь, тот по-настоящему умирает. Выбирайте: со мной вы или с Дюнуа [2. С. 103–104].*

Будучи целью войны, свобода, говорит Киуру устами Жанны Ким, изменяет ее характер:

– *Но вся наша война священна!!! – закричал Дюнуа.*

– *Война священна для тех, кто идет освободить Родину, а не свои владения, – спокойно ответила Жанна [2. С. 112].*

Преображаются и воины по отдельности, если только они сражаются за свободу:

– *Народ ликует. К нам приходят все новые и новые люди... Уже собралось около шести тысяч солдат. Почти все орлеанцы, которые сражались в ополчении, перешли теперь в Армию. Они хотят освободить Францию, Жанна... Они поверили... Они преобразились... Шесть тысяч – это большое войско!!!*

– *Бертран, – усмехнулась Жанна, – неужели после всего, что ты видел, ты допускаешь мысль о том, что Господь оставит нас?... Хватит страха и нерешительности. Мы победили, когда все преимущества были на стороне англичан; победим и теперь, когда не наемники, но Освободители собираются... Надо научиться доверять Господу... [2. С. 113-114].*

Наконец, священная война за свободу преобразует и тот объект, за который ведется война. Тогда он приобретает сакральный характер:

– *Капитаны, к вам обращаюсь! Необходимо обеспечить среди солдат строжайшую дисциплину, причем основанную не на страхе, но на осознании своей Миссии и на стремлении исполнить ее как можно лучше. Необходимо пояснять им все, что вы узнали от меня об Освобождении, о том, что такое Родина, о том, что такое Честь и Доблесть. Я знаю, что принято содержать около солдат «дочерей полка»... но только не теперь. Забавам и утехам не место в Храме, а мы сейчас освобождаем не что иное, как Храм наш – Францию. Кто не может обойтись без плотских утех, тот пусть остается дома и предается им, потому что каждый солдат, поднявший оружие во имя Освобождения, должен в первую очередь сам стать свободным. Оставляя рабами греха – кого освободить сможем?*

Пусть капелланы читают солдатам псалмы и молитвы, пусть солдаты учатся причащаться и исповедоваться! И, дорогие мои капитаны, знаете, с кого должно начаться духовное возрождение Армии Освобождения?

Капитаны молчали, переглядываясь, а Жанна молчала в ожидании ответа.

– *С нас, – печально вздохнул Ла Ир, и присутствующие едва сумели сдержать улыбки [2. С. 118-119].*

Армия Освобождения, возрожденная духовно, уже не может сражаться так, как сражались прежде – за деньги, славу, добычу и выход агрессии. Впрочем, внутренний диалог о свободе, который Дева вела сама с собой, не стесняясь присутствия большого количества зрителей, никоим образом не проясняет содержание сложного понятия:

Жанна некоторое время смотрела на солдата, а потом отвернулась, словно от невыносимого страдания.

– Преклони колени, – тихо сказала она.

– В чем заключается Свобода? – спросила она, словно саму себя.

– В том, чтобы никогда не предавать свою Совесть, – прошептала Жанна.

– Что есть голос Совести? – снова спросила она. – Это слова, которые звучат в сердце твоём, когда его посещает Господь.

– Чем является Господь? – вновь прозвучал голос Жанны. – Он Есть Любовь, которая окрыляет твои стопы. Чему же ты хочешь учиться, солдат?

Рыдания сотрясали плечи Гийома.

– Свободе... – едва слышно прошептал он.

– Герцог Алансонский, – властно сказала Жанна, – посвятите этого мужа в рыцари [2. С. 130].

Еще одно определение свободы дается свыше и напрямую связывается с освобождением от греха, наказанием за который были война и плен:

– Но... Франция была грешна – и англичане напали... Теперь Франция верна Господу – и Он дал ей освобождение...

– Свобода Франции – в сердцах ее детей... Как Господь мог дать свободу, если сердца французов пребывали в рабстве? Свобода – Пламя сверкающее. Свобода – крылья бесстрашных. Принося людям стремление, ты забрала себе их оковы. В мире все уравновешено... Ты отдала другим Свет и Тепло, себе оставив пепел. [2. С. 336].

Одновременно, свобода для Кима Киуру не только некоторое отвлеченное понятие метафизического характера. Идея свободы оказывает реальное влияние на поступки людей. Например, она способна объединять представителей разных сословий:

Посмотри на воинов – сколько благородных людей здесь... Кто не мог приобрести доспехи, пришел простым лучником или копейщиком. Когда такое было в последний раз – чтоб благородные с простолюдинами в одном строю стояли, зажигаясь единой идеей Свободы? [2. С. 148].

Сила идеи свободы в том, что она создает у охваченных ею людей общее настроение, служащее фундаментом для общего действия, что перекликается с темой возникновения народа из толпы, присутствующей в пьесе Рыбчиньского:

Реньо рассмеялся и покачал головой.

– Нет... Чтобы освободить Францию, нужно понять, что есть Франция. А Франция, мой дорогой дофин, – это не вы... и не я... Это миллионы маленьких французиков. Свобода Франции – не в вашей короне и не в изгнании англичан из Реймса или Парижа, потому что корона – это всего лишь кусок золота, а Реймс и Париж – это глыбы камней. Свобода – внутри каждого человека... Представьте маленькую капельку, парящую с тысячами подобных в небесном облаке. Сама по себе эта капелька сделать ничего не может: она слишком незначительна даже для того, чтобы упасть на землю... А потом приходит Объединитель – и сотни облаков обращаются грозовой тучей... сверкает молния, и потоки воды смывают прочь пыль и грязь, и даже вековые деревья выворачиваются с корнем. Жанна уже объединила Францию, и события грядущего стали неизбежны. Даже если отказаться от похода на Реймс и отправиться в Нормандию, освободительная борьба не утихнет, но будет развиваться со все большей и большей силой. Конечно, в Реймсе коронован будет, скорее всего, ваш сын или внук, а не вы, но два поколения ничего не значат для истории [2. С. 146].

Источником чувства свободы является только Бог, в этом книга К. Киуру, не испытывающего сомнений по поводу источника откровений Жанны, перекликается с пьесой О. Лехтонен.

– Ты... бесовской силой совершаешь невозможное.

– Разве стремление освободить Францию – от беса?

- Если бы французы хотели стать свободными, они давно освободились бы и без тебя!
- Когда человек болен, он не вспашет поле... сначала его нужно вылечить.
- И ты, надо понимать, вылечила Францию?
- Такое под силу только Господу. Служить Ему – мое счастье [2. С. 200].

Что касается коронации дофина в Реймсе, монархических обрядов и почитания короля, — они суть знаки, необходимые народу для того, чтобы укрепить его веру в собственные силы. Автор «поручил» сформулировать эту мысль полководцу Этьену де Виньолю, по прозвищу Ла Ир:

– Понимаешь ли, Жан... когда приходит время, распускаются цветы. Но пчела, которая собирает нектар, может случайно пролетать мимо. Мне кажется, наступило время распуститься французским лилиям... но дофин может иметь к этому времени весьма далекое отношение. Однако ты все равно прав – выступить против Карла не стоит. Если настало время для Франции обрести короля, не нам этому противиться... Хороший ли, плохой ли... Франции нужен король.

– Странно... если все равно, каким будет король... зачем он вообще нужен?..

– Наверное, чтобы вера у людей окрепла. Ведь если Господь даст Франции свободу и короля, это подтвердит, что Он о Франции заботится... Воодушевление и радость войдут в души людей, — он усмехнулся. – Ведь простым смертным нужны доказательства, чтобы поверить [2. С. 147].

Таким образом, вопрос дона Жуана де Жанне из рассказа Карла Ристикиви в русскоязычной литературе XX – нач. XXI в. остался без ответа. Свобода предстает в ней абсолютной ценностью, лишенной, за исключением, пожалуй, пьесы О. Лехтонен, где она напрямую ассоциируется с миром, конкретного содержания, но тем не менее достойной того, чтобы отдать за нее жизнь. Если перефразировать формулу Ф. Тютчева: «Умом свободу не понять, / Аршином общим не измерить, / У ней особенная стать, / В свободу можно только верить». И Жанна выступает олицетворением народа, проникнутого идеей свободы и готового за нее умереть, тогда как король, напротив, ассоциируется с властью, которая, в конечном счете, выглядит в глазах понимающего читателя недостойной приносимой народом жертвы. И тем самым, сочетание этих образов выражает трагизм подсознания русскоязычной литературы, в котором вечная свобода оказывается вечной жертвой предательства, и возвращает нас к упомянутому выше стихотворению В. Солоухина:

*А что же Франция милая?
Где же она была?
С легкостью изменила,
Походя предала...*

*Пламя уже до груди,
Уже до глаз достает.
Бывают предатели люди,
Бывает и весь народ... [8. Р. 261-262].*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьян О.М. Свидетели. М.: Просвещение, 2007. 144 с.
2. Киуру К. Жанна (1412–1431). Черкассы: Вертикаль, 2007. 392 с.
3. Крылов П. Единорог и королева мая. СПб.: Гйоль, 2013. 134 с.
4. Лехтонен О.П. Жанна д'Арк. <http://jannadark.ru/pesa-zhanna-dark-olga-lextonen> Последний вход 22.01.2015.
5. Павлицева Н.П. Жанна д'Арк: Кто любит меня, за мной. М.: Яуза Эксмо, 2010. 320 с.
6. Ристикиви К. Сигтунские врата. Исторические повести. Пер. с эст. Л. Симагиной. Таллинн: КПД, 2010. 280 с.
7. Рыбчинский Ю.Е. Белая ворона: драматургия. Киев: Украинский письменник, 2010. 313 с.
8. Jeanne d'Arc. La voix des poètes de Christine de Pizan à Leonard Cohen. Anthologie. Orléans: Paradigme, 2008. 318 p.

Поступила в редакцию 11.01.16

P.V. Krylov

JOAN OF ARC AS A SYMBOL OF FREEDOM IN THE RUSSIAN LITERATURE OF 20TH AND 21ST CENTURY

In memoriam of Carl Ristikivi

The article is dedicated to the main difficulty in the depicting of Joan of Arc in the fiction literature and poetry due to the contradiction of the common view on her as the martyr of freedom in the Soviet school teaching and her personal attachment to the monarchist ideology and deep Christian faith. The main issue for most authors of fiction was to implement this conflict in the invented person of Joan and to present it like the principal cause of her death at the stake. So the imaginary freedom became in the history of Joan's self-sacrifice the victim of real treason and the topic of Russian literature return to its usual way.

Keywords: Russian fiction, Estonian fiction, Joan of Arc, memory of past, patriotic lyrics, poetry of freedom.

Крылов Павел Валентинович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук
197110, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Krylov P.V.,
Candidate of History, researcher
Institute of History of Russian Academy of Sciences
Petrozavodskaya st., 7, St.-Petersburg, Russia, 197110
E-mail: pavel_kryloff@mail.ru